

Наше бытие настолько многомерно, что порой достаточно одного мгновения, какого-то жеста или простого слова, чтобы понять душу, характер того, кто перед тобой. Закрытый человек или открытый, душевный или чёрствый, близкий тебе или далёкий.

Это полностью подходит к известному русскому прозаику и публицисту с острым и пером, и болью за русскую деревню Леониду Иванову, вологжанину по рождению, десятки лет отдавшему служению слову в Западной Сибири – в её столице Тюмени.

С теплом вспоминаю, как некоторое время назад мы ехали с Леонидом Кирилловичем из Вологды на его малую родину – в районный центр Липин Бор. В то самое селение, которое прославил в своём стихотворении Леонид Рубцов:

*В который раз меня приветил
Уютный древний Липин Бор,
Где только ветер, снежный ветер
Заводит с хвоей вечный спор...*

От кафе до «отчего очага» – лесного посёлка Новокемский – будет, пожалуй, с сотню километров. «Я родился 8 октября 1949 года на лесном кордоне в глухом углу Вологодской области, куда были посланы подальше от границы мои родители – финны, – вспоминал писатель. – Отцу на момент моего рождения было 58 лет. Работал он лесничим, у него в первом браке внуки уже ходили в школу, так что рождению сына он очень обрадовался. Не знаю, хотела ли в свои 42 года ребёнка моя мама, но коли так получилось – то и хорошо. Рос я хоть в строгости, но окружённый любовью...».

...Перед глазами ещё одна встреча – уже далеко от Липина Бора, в самой большой аудитории государственного университета в славном городе Тобольске. Там полно студентов, все сиденья, расположенные амфитеатром, заполнены. Молодая профессорша, филолог, ведёт оживлённый диалог с Леонидом Ивановым о его новом романе «Сезон охоты». Название вполне понятное. Но дело не в хитре в привычном понимании, оказывается, речь в романе идёт о том, как живёт ныне высшая школа. Не только в Западной Сибири, а вообще в стране. Это получилось у автора настолько ярко, выпукло, что задевает всех преподавателей, в том числе и в Тобольске. И они пытались узнать в героях романа каких-то конкретных прототипов. Но что Леонид Кириллович с улыбкой заметил:

– Героев я ни с кого не списывал...
От нужд деревенской глубинки до проблем высшей школы – таких размах ин-

тересов замечательного прозаика. Но это только часть его «творческого мира».

«Где Тюмень, а где Вологда!» – воскликнет иной читатель и будет прав. Нефтяную столицу Западной Сибири отделяет от «души Русского Севера», как иногда называют Вологду, немалое расстояние. Но сотни километров как бы отступают, когда мы вспомним о том, что эти два региона России имеют главные

весности, как Петр Павлович Ершов с его знаменитой сказкой «Конёк-Горбунук», или нашего современника Зота Тоболькина, прозаика, драматурга, публициста, чьё творчество является образцом служения Слову и Отчеству.

О народной культуре Тюменского края можно говорить долго – настолько она разнообразна.

И вот получилось удивительное дело! Прозаик Леонид Иванов, который при-

ли на работу в редакцию районной газеты «Волна». Здесь он познакомился с Николаем Рубцовым, Василием Елесиним, Сергеем Чухиним, которые оказали на него значительное влияние. Потом Иванов переехал в Череповец, где работал на телевидении, дружил с поэтами Леонидом Беляевым и Виктором Коротаевым. На одном из литературных семинаров о его рассказах благосклонно отзывался Василий Белов. Без всякой натяжки мож-

Леонид Иванов – автор двадцати книг художественной прозы, не считая документальной, изданных на Урале, на Вологодчине и в Тюмени, а также в Москве, переведённых на иностранные языки, – это романы, повести, рассказы. Он лауреат всероссийских и региональных литературных конкурсов, литературной премии Сибирского федерального округа. В 2015 году губернатором Тюменской области впервые была учреждена премия в обла-

гионов. Создан совет по изданию книг. На мой взгляд, необходим госзаказ на хорошие книги, которые можно было бы передать в школьные библиотеки, в учреждения культуры».

Были и другие вопросы, на которые гость дал исчерпывающие ответы.

Леонид Иванов подробно рассказал о деятельности Тюменской писательской организации, тех позитивных моментах, которые могут быть интересны и другим.

Писатель передал в дар Вологодской областной библиотеке книгу «Охотничий сезон», а также подарил её читателям.

Прошла встреча в дружеской обстановке, с теплом душевным.

«Получив приглашение на встречу с Леонидом Ивановым, – поделилась впечатлениями директор филиала областной библиотеки Ирина Трапезникова, – я подивилась полноте его судьбы, начавшейся в семье сосланных в вологодскую глубинку финнов, а потом взявшей и поместившей совсем ещё мальчишкой под крыло Василия Елесина в редакцию Вадковской районки, давшей стране шесть писателей и поэтов. Перед встречей я нашла его рассказ «Мама, я иду», стала читать и забыла обо всех делах. Первое чувство, что я прикоснулась к подлинному искусству, а подлинным для меня является то, что рождает желание стать человеком. О писателе Леониде Иванове я теперь буду рассказывать друзьям, и вечер в областной библиотеке укрепил это желание. О себе, о своём творчестве рассказывал мужественный, умудрённый жизнью человек, рассказывал конкретно, ярко, с чувством юмора, но без пафоса и лишнего стеснения. У нас действует такой клуб «Общество борьбы со скукой», на очередном заседании мы обязательно обсудим рассказ Леонида Иванова «Тоскава-а-л!»».

Тот год на Вологодчине был годом Николая Рубцова, ему исполнилось 80 лет. Перед началом встречи мы с Леонидом побывали на Пошехонском кладбище и почтили память великого русского поэта присутствием на его могиле, возложили цветы.

Гость из Тюмени ждал сюрприз. Председатель региональной организации «Вологодский Союз писателей-краеведов» Виктор Борисов вручил Леониду Иванову медаль «Николай Рубцов» и диплом «За особый вклад в области литературы, искусства, краеведения и общественной деятельности».

Награда учреждена специально к юбилею Николая Михайловича Рубцова.

Вологда – Тюмень, 2022-2024

Соединил Сибирь и Север

К 75-летию Леонида Иванова

литературные и культурные традиции. Люди, живущие в Сибири и на Севере, по возможности стараются сберечь их и преумножить в наше непростое время.

Начиная ещё с древнерусского писателя Даниила Заточника, вологодский край дал литературе много славных мастеров слова. В их числе – Константин Батюшков, Николай Данилевский, Николай Клюев, Алексей Ганин, Николай Руб-

щёл на встречу с читателями в Вологодскую областную библиотеку, своей судьбой и своим творчеством как бы соединил, скрепил два далёкие друг от друга региона, и они стали ближе, роднее любителям литературы.

Это важно сегодня, когда культурное пространство России «разорвано на куски», каждый регион «варится в своём соку».

цов, Василий Белов, Александр Романов. Нынешние поэты и прозаики стараются достойно нести эстафету высокой русской классики. Ну, а широкие тюменские просторы выпестовали такого гения сло-

Леонид родился на лесном кордоне вдали от райцентра Липин Бор, что стоит на берегу Белого озера. С юных лет сплавлял лес на таежных реках. Писать прозу начал в 14 лет. Вскоре его пригласи-

но сказать, что Леонид Иванов вскормлен вологодской литературной традицией.

Судьба сложилась так, что уже более сорока лет он живет и работает в Тюмени, она стала второй малой Родиной. Но с отчим краем он постоянно поддерживает связи.

Поэтому читатели первым делом попросили прозаика кратко поделиться личными воспоминаниями об известных вологодских писателях.

«Да, я встречался с Николаем Рубцовым, – начал Леонид Кириллович. – Но, не буду врать, не общался с ним коротко. Я же тогда был мальчишкой. Иду в редакцию районки, вижу: в коридоре стоит невысокий мужчина в длинном пальто, лысый, и держит в руках какую-то толстую книгу. Я не обратил на него внимания, а ребята спросили: «Видел Рубцова?». «Да нет, – говорю, – не видел». Потом в редакцию заходит тот самый мужчина, знакомится со мной, протягивает руку: «Николай Рубцов». Вот так было. Я скромно сидел в углу и только слушал умные разговоры старших коллег с талантливым поэтом, про которого много говорили, что он талантлив! И эти разговоры двух больших поэтов – Николая Рубцова и Сергея Чухина – о литературе, о жизни запомнились, давали пищу для размышлений. Запомнились мне и многие советы Василия Ивановича Белова. Он, в частности, на семинаре сказал, что работа в газете и литературное творчество – вещи трудно совместимые. Надо выбирать что-то одно. И я уже позже убедился, что Белов был на сто процентов прав. Действительно, если утром в редакции пишешь о вывозке навоза на колхозные поля, а ныне – о какой-нибудь криминальной истории, то вечером вряд ли сотворишь что-то путное».

сти литературы, Леонид Иванов стал её лауреатом за роман «Люди добрые».

Роман, получивший признание читателей, под названием «Палата 206», с продолжением – романом «Охотничий сезон», – вышел в 2016 году в «Тюменском издательском доме».

Об этой книге и шёл основной разговор на встрече.

«Я никогда не скрывал и не скрываю, – сказал прозаик, – что одиннадцать лет назад я перенёс две сложных операции в онкологии. Эти события и отражены в моём романе, я сделал посвящение: «Оптимизму товарищей по несчастью – всем, кому поставлен диагноз "рак"». Когда вышло первое издание романа, мы отвезли его в больницу и раздали по палатам. Надеюсь, что многим он помог преодолеть сложный психологический барьер – стресс, вернуться к полноценной жизни».

Да, русская литература переживает не лучшие времена. Особенно удручает то, что очень низкие тиражи даже хороших книг. Люди мало читают. Я недавно столкнулся с таким фактом, что мало читают и библиотекарши, хотя они-то должны читать много, это их профессиональная обязанность. И всё же, несмотря на всякие трудности, будущее у русской литературы, без всяких сомнений, есть, и это будущее, на мой взгляд, хорошее, оптимистичное. В Тюменской области, где я возглавляю региональную организацию Союза писателей России, сохраняют русские почвеннические традиции, мы выпускаем альманах «Врата Сибири», где публикуем кроме наших также и писателей из других ре-

по высшему критерию остаётся ровно том: роман «Товарищ и брат», пара лучших повестей и десяток рассказов. С уверенностью могу утверждать: Сурова убил (безвременно свёл в могилу) тот самый идейный раскол, который произошёл в нашей стране во время демонтажа марксистской системы; Скокова же именно берегла и бережёт твёрдо выбранная им линия русской патристической государственности. Роль хранителя литературных традиций: ведь и так ещё можно назвать его многолетнее председательство в секции прозы, о котором было сказано в начале статьи.

Кстати, признаюсь: я не слишком дерзую за те высшие оценки, которые выразил выше. Я написал, что «его проза навсегда останется в русской литературе», я ссылался на Эрмитаж и Леонардо с Рафаэлем, на Гомера и Пушкина... Не следует перебарщивать: сам «предмет похвалы» иногда может тебя охладить: «Я просто сделал тексты среднего качества, а вы уж их вознесли»...

Объективного мерила, и правда, у меня нет: средний это уровень или предельно высокий? Но тридцатилетняя бесценная вахта у штурвала секции прозы – это факт, который отрицать невозможно. (Его смысл можно оспорить лишь в том случае, если отрицаешь значение Союза писателей России.)

Завершу статью парадоксальным, неожиданным утверждением: Александр Георгиевич Скоков – выдающийся писатель, прежде всего потому, что он так долго руководит секцией прозы, а уж во вторую очередь потому, что написал очень талантливые рассказы. В этой связи есть смысл ещё раз перечислить все его книги. Сначала – не вполне художественные (скорее – публицистические), позднего периода: «Мужество и слава Ленинграда» (2005), «Великой Победы венец» (2007), «Ленинград, не знавший поражения» (2008), «Гвардеец – город Ленинград» (2008), «Город, где были героями все» (2010), «Как жил блокадный город-фронт» (2012), «На всех была одна судьба» (2013)...

И всё-таки основа известности Скокова – это художественная проза. Те рассказы, которые объединены в уже упомянутых итоговых книгах, первоначально выходили в его сборниках: «Сенокос» (1982), «Лебеда» (1987), «Липитная прописка» (1991), «Засеженные острова» (1998).

Искусствоведы знают: политика никогда не имеет отношения к настоящему искусству, и, вместе с тем, искусство никогда не существует вне политики. Пятьдесят лет после окончания Великой Отечественной войны – редкий в истории период безоблачного счастья не только для нашей страны, но и, без преувеличения, для всего человечества. Никого в это время не трогал орёл кроме Прометея, чью печень он периодически прилетал клевать, и Прометей был счастливым тем, что орёл никого больше не терзает.

Хроники счастья, перемежаемые болью, это и есть литература на русском языке второй половины 20-го века. Почему законочилась эта эпоха? Почему Прометей вдруг решил прекратить существование между жизнью и смертью?

Однозначного ответа нет, но намёк содержится в поздней советской прозе, в том числе – в рассказах Александра Скокова.

Санкт-Петербурга

80 лет в октябре 2024 года исполняется петербургскому прозаику Александру Георгиевичу Скокову, который три последних десятилетия уверенно руководит секцией прозы Петербургского отделения СП России.

Не будем употреблять слово «должность», используя слово «миссия»: важнейшая, без преувеличения – историческая.

Именно так – с высочайшим чувством ответственности – относится Александр Скоков и к собственной прозе, которую он прекратил писать приблизительно лет двадцать-тридцать назад (хотя книги выходят – в жанре очерков, исторических исследований).

Я очень надеюсь, что никто не заподозрит здесь иронию: «ответственно относиться к прозе и потому прекратил писать». Какая уж тут ирония, если мы все знаем, что минимум половине пишущих лучше бы и вовсе не приступать к этому! Не засоряя интеллектуальную среду текстовым мусором, столь легко сегодня тиражируемым компьютерами...

*Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!*

Эти строки Ахматовой, увы, относятся к пишущим мужчинам ещё вернее, чем к литературным дамам (ибо публикующихся мужчин, кажется, всё-таки больше).

Александр Скоков не раз говорил: успешный писатель остаётся в литературе одним, много – двумя-тремя томиками. Он совершенно прав, и из двух-трёх томиков напечатанной им прозы Скоков сам собрал и выпустил канонический текст, то, с чем, как он считает, не стыдно войти в историю. И автор этих строк, опираясь на собственный 35-летний «стаж» публикуемого писателя, подтверждает: да, сборником «С пролётной стаей: Книга рассказов» (2000) (другой вариант: «Штурман Пензиков и повар Елукин: рассказы» (2014)) Скоков вполне заслужил того, чтобы навсегда остаться в русской литературе...

«С пролётной стаей»... В этом названии сборника (и одного из рассказов) есть, конечно, довольно откровенная – почти прямая – заявка на серьёзное место в литературе, отличающееся от места тех, кто лишь мелькнёт и забудется, и никакой, даже скромной роли в словесности не удостоится.

А я на правах петербуржца и коллеги, знающего Скокова много лет, приведу ещё одну легенду, имеющую у нас хождение. Когда обсуждалось название для этого сборника рассказов, тогдашний руководитель писательской организации Иван Сабилло предложил другой вариант: «В глубин небес». Это тоже фраза из одного Скоковского рассказа, однако предложение содержало элемент шутки, которую участники «мозгового штурма» разгадали. «В глубине – бес», вот что хотел сказать о коллеге прозаик Иван Сабилло...

Автор этих строк пишет юбилейную статью, но без патоки. А потому считает возможным тактично вглядеться в рассказы Скокова именно для того, чтобы

О юбилее без патоки

Александр Скокова – 80 лет

определить, есть ли в них «бес» и какой. Вообще-то дьявол проникает в душу каждого, а немецкий реформатор Лютер говорил, что дьявол ближе к нам, чем рубашка и даже собственная кожа...

«Длинный рубль» – вот, наверное, название тому бесу, который искушал многих (если не большинства) персонажей, выведенных в рассказах Скокова. Он сам около двадцати лет поработал на Севморпути: знал не понаслышке, что такое северные надбавки. Дальний Восток и Север – место действия почти половины его рассказов, хотя происходит Скоков из Краснодарского края и кое-что написал и о «югах» нашей страны, не только о «северах». Ну и, конечно, о Ленинграде, где живёт с 80-х годов прошлого века.

Теперь требуется поправка под названием «искусство». Качественная статья о литературе не должна уступать предмету рассмотрения в степени владения словом. Но смогу ли я так «закуртить» критический разбор, чтобы напомнить: художник может писать о чём угодно, если держит в уме высшее мерило красоты? Достаточно однажды посетить Эрмитаж или Русский музей, чтобы понять, что такое бесмертное творчество: аналогично – с Гомером и Пушкиным, доступными всем в библиотеках. Есть такая вещь как деталь из жизни: остро подмеченная, она остаётся почему-то жить в веках.

Из таких деталей и состоит проза Скокова... В ней нет недостатка в «адреналине», то есть в пединках жизни, но их показ не становится самоцелью. Так же и комор, имеющийся в каждом его рассказе, не переходит в хохмачество. Есть постоянное чувство меры, которая, наверное, является ещё одним названием для искусства и для красоты: ведь красиво именно то, что точно отмерено.

Теперь разберу несколько его текстов. Сборник «С пролётной стаей» открывается рассказом «Штурман Пензиков и повар Елукин», и название обещает лишь «неантагонистический конфликт» эпохи социализма. Один, мол, живёт и работает вот так, другой – чуть иначе, а ты, мол, читатель, выбирай, что тебе по душе. Однако читаемся – и мы не сможем не ощутить почти преувеличенную яркость происходящего, не сразу заметное, а всё-таки – счастье, испытываемое действующими лицами, как и всей страной (а я убеждён, что страна полвека после окончания Второй мировой переживала почти не омрачённое счастье: об этом, на самом деле, и повествует вся проза Скокова).

...Идёт «северный завоз», место действия – одна из прибрежных полярных станций...

«В складе у двери, возле самодельного, в солёных пятнах стола с пивными бутылками, транзисторным магнитофоном, боярили штурман Пензиков и начальник полярки, рослый малый в зелёном свитере, брезентовых штанах с большими карманами на коленях, и под музыку сверяли накладные. Штурман привёз и кассеты, и пиво, и старые номера «Московских новостей», а в чёрной кожаной сумке держал до поры до времени главный припас...

Малый с вожделением поглядывал на пензиковскую импортную курточку, на

эти карманчики, застёжки, широкие рукава, но курточка была ему разве что на одно плечо, и штурман, сняв с заплата шведские часы, положил на стол: – Нуси. Секунда в секунду.

Он любил угощать, делиться, одаривать...».

Да, широкой души человек (судя по всему) этот герой, но ясно, что и хитрец: «...получил от малого паку новеньких пятёрков. Кое-чего в накладных было больше, кое-чего меньше, иное и вовсе не значилось. Мало-оно он знал третий год и всё учил уму-разуму – душой на месте Пензикова ободрал бы его шутя, а он только сбывал здесь тайные излишки».

Вот мы, собственно, и вышли на этого самого беса по имени «длинный рубль». Но как буднично, но ясно, что и хитрец: «...получил от малого паку новеньких пятёрков. Кое-чего в накладных было больше, кое-чего меньше, иное и вовсе не значилось. Мало-оно он знал третий год и всё учил уму-разуму – душой на месте Пензикова ободрал бы его шутя, а он только сбывал здесь тайные излишки».

В процитированном отрывке употреблено разговорное слово «боярили» (а во втором рассказе сборника, «Тризна», встречается даже производное от слова «царь»), однако же используется эта лексика с мягким юмором, так как герой Скокова Пензиков, что называется, «знает своё место»:

«Озабоченно попискивая, пробежал тонконогий куличок. Пензиков спустился в овражек, перепрыгнул через мелкий ручей – тунора вокруг порыжела, только по склону зеленели перья дикого лука и цвели крохотные, с ноготок, незабудки. В минуту надвигающейся опасности он чувствовал прилив сил и всегда вовремя отбивал удары. По лени, беспечности только допусти просчёт, и в эту промину хлынул уже настоящие беды, способные погубить тебя. Он не стремился на береговые должности, не реался в капитаны, поняв, что внизу, в толще тёмной воды, больше простора ускользнуть, увернуться».

...Спрашивается: неужели всё это написано для того, чтобы показать, как люди пытались урвать лишнюю тысячу тогдашних рублей и, так сказать, «купить своё материальное положение»? Конечно, нет. Кто-то может «пролить масло», и тебе «трамвай отрежет голову» (едва ли не единственная жизненная деталь во всей Булгаковской дьяволиаде)... Погибнуть можно в самой обычной жизни в любой день и час, тем более «на северах». Подступающую смерть Скоков видел в лицо и дал в своих рассказах несколько её весьма запоминающихся портретов. Вот, например, как выглядит шторм перед кораблекрушением в рассказе «С пролётной стаей»:

«Не было уже ни моря, ни неба, одна мгла, и чувство, которого он никогда не знал, вливалось в грудь, как через пролом в трюм хлещет вода... Александр Иванович увидел надвигающиеся на них чёрные, с белыми макушками, холмы».

что они, избежав смертельной опасности, острее чувствуют радость жизни...

Я уже перебрал норму цитат, потому больше не буду приводить в статье образцов Скоковских текстов. К тому же набрал вопрос, который может задать не только склонный к цинизму, но и любой трезво мыслящий читатель... Может быть, всё проще? Молодой человек гонялся «за длинным рублём» на «северах»; чувствуя творческую жипку, с юности пописывал в газетах, попробовав себя в прозе. Попал на семинар молодых, а в нём – на глаза Виктору Астафьеву, рассказы пошли в печать... И подумалось: а чем хуже «длинный рубль» под названием литературные гонорары? Проза о тяжёлых трудовых буднях тогда приветствовалась...

В Ленинграде-Петербурге не один был Скоков с «подходящей» биографией, вспомним похожего прозаика тех лет, Валерия Сурова (1946-1996). Он тоже с юности гонялся «за длинным рублём» и в рассказе «Тысяча и одна ночь» изобразил парнишку, приехавшего в Норильск и завербовавшегося на шахту с целью скопить за одну полярную ночь тысячу рублей (отсюда название рассказа). Сур-

Утром, отходя после наркоза, он мучился, забывался, стонал... Загипсованный, нарезая на блюде лимон, вдруг оаянулся на затихшего штурмана: на белой подушке быстро менялось лицо – к бровям со лба как бы на-ползала чёрная шапка...».

Итак, смерть и дьявол стерегут нас ежедневно и ежечасно. Разумеется, экстремальные условия «помогают» это осознать. Говорят о себе и фронтовики,

ров поработал не только шахтёром, но и монтажником на строительстве КАМАЗа; набрав трудового опыта, успешно начал печататься в Ленинграде и Москве, устроился редактором журнала «Нева», возглавил даже секцию прозы тогда ещё единой Ленинградско-петербургской писательской организации – правда, уже распадающейся по известным разграничительным линиям (которые, думаю, нет нужды здесь уточнять)...

Суров тоже написал один том качественной прозы; вообще-то больше, но

Главный редактор –
Валентина ЕРОФЕЕВА